

DOI: 10.23681/500100

Д. С. Менделеева

**ЧАСТНОЕ, ПРИДВОРНОЕ И ВЕЧНОЕ
В СТАТЕЙНОМ СПИСКЕ О ПРЕСТАВЛЕНИИ
ПАТРИАРХА ИОСИФА**

Аннотация: Исследователи культуры Возрождения не раз отмечали своеобразные «универсалистские» представления о личности, свойственные, например, для трактатов этого периода. Так, по наблюдениям Л. М. Баткина, личность правителя, описанная в трактате Макиавелли «Государь», одновременно сочетает в себе несочетаемые черты – доброту и злость, простодушие и коварство и пр. В представленной ниже статье некоторая подобная несочетаемость прослежена в сочинении царя Алексея Михайловича. В частности, автор показывает три уровня восприятия действительности – частное (личное), придворное (связанное со службой) и вечное (религиозно-экзистенциальное), – которые существуют в восприятии повествователя. Переключения между этими уровнями в его рассказе происходят моментально и произвольно.

Ключевые слова: мировоззрение, эпистолярное наследие, литературное творчество, царь Алексей Михайлович Романов.

D.S. Mendeleeva

**PRIVATE, CEREMONIAL AND ETERNAL
IN "THE TALE OF THE DEATH
OF THE PATRIARCH JOSEPH"**

Abstract: Researchers of the Renaissance culture have repeatedly noted the original "universalist" notions of personality peculiar to the treatises of this period. Thus, according to L. M. Batkin's observation, a ruler, described in the Machiavelli's treatise "Sovereign" simultaneously combines incongruous traits — kindness and anger, simplicity and insidiousness and so on. In the article below, some similar incongruity is traced in the writings of the Tsar Alexey Mikhailovich. There are three levels in the narrator's perception of reality — private (personal), court (associated with service) and eternal (religious-existential). Switchings between these levels occur instantly and arbitrarily.

Keywords: World outlook, epistolary heritage, literary creation, tsar Alexey Mikhaylovich Romanov.

Об эпистолярном наследии Алексея Михайловича Романова

Интерес к эпистолярному наследию царя Алексея Михайловича Романова возник еще в 1856 г. после издания Петром Бартеневым царских писем к Матюшкину. Современные исследователи считают письма царя Алексея «одним из интересных комплексов источников личного происхождения. Изучение этих писем дает возможность исследовать особенности самооценки, представлений второго Романова о человеке и мире, а также общие черты русского мировоззрения XVII в.» [1].

Комплекс этих источников достаточно велик – всего известно 158 личных писем царя, не считая бумаг, созданных при его участии. Многократно отмечалась яркость описаний и многообразие тем, затронутых в письмах, а также то, что сам Алексей Михайлович придавал письмам как форме фиксации информации большое значение. «Ощущение необходимости срочно и собственноручно излагать мысли выражалось в том, что рядом с ним всегда находился подъячий Приказа тайных дел с письменными принадлежностями» [1]. Стремление к оперативной передаче информации с сохранением мельчайших подробностей и ярких деталей будет характерно для всего эпистолярного творчества русского государя. «Исследование писем Алексея Михайловича дает представление об его особом отношении к информации. Его постоянно волнуют проблемы владения, передачи сведений, скорости коммуникации, качество ответов на задаваемые вопросы» [1]. В собственных письмах «автор, как правило, лично указывает не только дни, но и часы, а иногда части часа» [1].

Остается только удивляться, что столь важный, живой и сохранный комплекс источников до сих пор издан весьма фрагментарно. Что до исследуемого «Статейного списка», несмотря на то что он содержит фрагменты, явно написанные другими лицами, участие самого царя в составлении Статейного списка несомненно, мы рассматриваем «Статейный список» именно как личное сочинение царя.

Хаос между воротами

На первый взгляд, повествование в письмах Алексея Михайловича можно оценить как стихийный нарратив, когда взгляд повествователя беспорядочно скользит от события к событию и от предмета к предмету, пересказывая все увиденное без

разбора. В «Статейном списке» это впечатление если не хаоса, то нарочитого авторского «салата», хоть и немного уступающего в интенсивности знаменитому пушкинскому описанию¹, усилено еще несколькими помещенными в повествование посторонними документами – «Разрешительной молитвой патриарха Иосифа» и описью его личной казны, очевидно переписанными кем-то из дьяков.

Разнородность писем царя Алексея обязана своим происхождением тому, что царь очень легко переходит от рассуждений о вечном к бытовым зарисовкам и от них – к служебным обязанностям и дворцовому церемониалу. Рассмотрим это «качание маятника» на конкретных примерах.

Начинается статейный список с картины принесения в Москву мощей патриарха Иова: «принесли святителя Иева патриарха мощи...» [2, с. 156] (о вечном). «Встречать посыланы его... власти...». Далее следует список клира, среди которых часть – безымянные – «спаской игумен из ветошнаго ряду, протопопъ изъ-под колоколовъ, да изъ собору священникъ да диаконъ». За таким «количественным» списком духовенства следует список участвовавших во встрече вельмож – подробный и поименный: «князь Алексей Никитичъ Трубецкой, да князь Федоръ Семеновичъ Куракинъ, да окольничие наши князь Василей Григорьевичъ Ромодановской, да Прокофей Федоровичъ Соковнинъ, да дьякъ Семен Заборовской» [2, с. 157]. Сам государь встречал процессию придворных, сопровождавшую мощи от Тушино, уже в Москве. Как видим по списку участников, процессия была не только крестным ходом, но и частью дворцового церемониала.

За этим следует описание встречи мощей в Москве, местами весьма неофициальное и эмоциональное: «Многочудство таково было, что не вместились от тверских ворот по неглиненския <...>, и по кровлямъ и по переулкамъ яблоку негде было упасть»

¹ Имеется в виду седьмая глава «Евгения Онегина» и знаменитое:

Мелькают мимо будки, бабы,
Мальчишки, лавки, фонари,
Дворцы, сады, монастыри,
Бухарцы, сани, огороды,
Купцы, лачужки, мужики,
Бульвары, башни, казаки,
Аптеки, магазины моды,
Балконы, львы на воротах
И стаи галок на крестах.

[2, с. 157]. К просторечному обороту царь добавляет совсем уже хозяйственные подробности: поскольку вся Красная площадь («пожарь») была забита людьми, безопасности ради Кремль он «велель запереть» [2, с. 157].

Однако тем, кто посчитал, что перед нами бытовая зарисовка, следует помнить фразу, с которой царь пустился описывать московское столпотворение: «язь многогрешный царь встречаль (мощи) с патриархомъ и со всемъ освященнымъ соборомъ и со всемъ государствомъ от мала до велика...» [2, с. 157]. Таким образом, упомянутое выше эмоциональное и насыщенное бытовыми подробностями описание толпы – это всего лишь «расширение» дворцового церемониала.

Как видим, маятник последовательно прошел от вечного к дворцовому и оттуда – к бытовому, т. е. по трем разным пластам сознания описывающего ситуацию свидетеля – русского царя.

Царь и патриарх

Далее такие переходы в повествовании успешно продолжают. Едва протиснувшись в толпе («на злую силу» [2, с. 157]), мощи пронесли в сбор (бытовая зарисовка), причем всю дорогу от ворот до собора патриарх «много плакаль» [2, с. 158] и даже сказал: «Хорошо за правду стоять, и по смерти слава» [2, с. 158–159]. Такое описание и такая фраза явно повествует о вечном – это благочестивое размышление о посмертной славе святого.

Между тем царь, не распознавший сразу промыслительности такого поведения патриарха, был склонен рассуждать скорее «о хозяйственном». Поэтому на неожиданный вопрос первосвященника о том, чье погребение расположат в ногах у только что доставленного в Москву патриарха, отвечает как разметчик, распределяющий места погребений в интерьере собора: «Ермогена тут положимъ» [2, с. 159]. После чего патриарх, скоропостижно скончавшийся через несколько дней, фактически выпрашивает себе место погребения – в ногах у патриарха Иова. Маятник опять качнулся – повествование опять идет о вечном, и перед нами – символический шаг, весьма напоминающий будущий поступок адресата Описи – патриарха Никона. Как известно, следующий патриарх распорядился похоронить себя в церкви Усекновения главы Иоанна Предтечи – приделе Воскресенского собора Новоиерусалимского монастыря, расположенном под Голгофой, – фактически «в ногах распятого Христа».

В следующей встрече царя и патриарха собеседники поменяются ролями. Придя проведать патриарха Иосифа, уже весьма больного, царь пытается рассуждать душеспасительно: «Такое-то, великий святитель, наше житие: вчера здоров, а ныне мертвы» [2, с. 160]. Но у патриарха на разговоры о вечном уже нет сил. Сначала он ведет себя скорее как придворный – садится по левую руку царя и решительно отказывается сесть по правую, в финале аудиенции, несмотря на заплетающиеся ноги, кидается провожать. А по ходу в неясном сознании, но очень бытово рассуждает о здоровье: «врагу шатрясеть», «чаю, что покинетъ, летось так же была» [2, с. 160].

Рассуждение об этой странной аудиенции неожиданно завершается... извинениями Алексея Михайловича перед Никоном за то, что в этот момент он не напомнил умирающему патриарху о... необходимости составить духовную грамоту и отдать распоряжение переписать келейную казну [2, с. 160].

Об эмоциях, послушных подданных и хозяйственных распоряжениях

Дальнейшее повествование статейного списка несколько раз проходит по тому же спектру настроений. Патриарх постепенно угасает, но перед этим отсылает из кельи духовного отца, который потом долго никого не зовет, поскольку как истинный подданный опасается гнева вышестоящего «Не смею де итить, станеть де кручиноваться». (Несколько дней до того патриарх уже был всем недоволен и много «кручиновался» на подчиненных.)

Состояние умирающего царя тщательно и подробно фиксирует, подчеркивая самые эмоциональные моменты, видение, потом медленно начинающуюся агонию: «затрясся весь... и плакать почал» [2, с. 166]. При этом, отдав распоряжение о соборовании, сам Алексей Михайлович... идет разбирать ту самую неразобранную келейную казну.

Узнав о смерти патриарха, все свидетели также испытывают особо острые эмоции, тщательно фиксируемые рассказчиком: «Страхъ и ужась нашель», «въ соборе певчие и власти со страху и ужаса подломились» [2, с. 167].

Затем столь же тщательно документированию подвергается изменение тела усопшего патриарха. И здесь опять фиксируются эмоции: от речей читавшего псалтирь священника на самого Алексея Михайловича «страхъ такой нашель, едва с ног не

свалился», усопший патриарх стал «безмерно страшен» в лице [2, с. 170], до такой степени, что хоронившие его от страха даже позабыли при погребении позвонить в колокола [2, с. 173].

В то же время царь тщательно фиксирует все манипуляции, которые проводились с телом усопшего: дырочки, «проверченные» в ногах, так как из тела шел «нежидь», ладан, который пришлось обильно курить во время отпевания, чтобы не чувствовался смрад от тела, то, как пришлось закрыть тело для проведения церемонии (быт). При этом на отпевании пофамильно присутствуют все бояре: погребение патриарха – это официальная церемония, на которой они обязаны присутствовать (служба, этикет). Причем на богослужении, как и положено христианам, присутствующие «плачучи... свои грехи воспоминают» [2, с. 175] (вечное).

Покончив с печальной церемонией погребения, царь лично начинает заниматься... разбором патриаршей казны. Причем подробная роспись денег и имущества перемежается в повествовании с эмоциональными возгласами о том, что царь «на велию силу разобрал» вещи покойного и «ей, ей себя надсадил», пытаясь различить имущество покойного патриарха и хранившиеся у него вещи других лиц [2, с. 178]. Царь не забывает добавить: не займись он хозяйственными разборами лично, «не осталось бы ничего, все бы раскрали» [2, с. 176] (бытовая зарисовка). Но не считает возможным как душеприказчик покупать что-то из имущества покойного: «Се отъ людей зазорно, а се какой я буду приказчик, самому мне имать а деньги мне платить себе же?» [2, с. 180].

Краткие выводы

Наблюдение за повествованием «Статейного списка» позволило выявить любопытную особенность сознания повествователя. В своем рассказе о встрече мощей патриарха Иова и последовавшей за тем смерти патриарха Иосифа царь Алексей Михайлович постоянно переходит от одного плана к другому: христианские размышления легко сменяются здесь описаниями разнообразных проявлений царской службы и дворцового церемониала (включая имущественно-хозяйственные подробности); все это перемежается бытовыми зарисовками, в которых автор отображает в первую очередь необычные, эмоционально окрашенные события.

Возможно, именно таково было представление автора о круте человеческой жизни, протекающей между церковными обязан-

ностями и государственной службой. Что же до повседневной реальности, то она была достойна фиксации как частный, наиболее яркий и эмоционально окрашенный пример первого или второго.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гусев А. В. Письма царя Алексея Михайловича как исторический источник // Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.): сборник статей / Российская академия наук, Институт российской истории; отв. ред. П. Н. Зырянов. М., 2004. URL: <http://ebookiriran.ru/index.php?view=article§ion=9&id=397> (дата обращения: 28.04.1017).
2. Собрание писем царя Алексея Михайловича. – М., 1856.

Об авторе / About author

Дарья Сергеевна Менделеева – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия.

E-mail: Delta1974@list.ru

Daria S. Mendeleeva – PhD in Philology, Senior Researcher, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia.

E-mail: Delta1974@list.ru